

Символика птиц в средневековой латинской гимнографии

Мария Р. Ненарокова

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, maria.nenarokova@yandex.ru*

Аннотация. Аллегоричность мышления средневекового человека позволяла ему рассматривать весь окружающий мир как некое послание, состоящее из знаков, за которыми скрывается невидимая реальность. Этими знаками становились знакомые предметы, растения, живые существа. В средневековой латинской гимнографии аллегорические образы птиц составляют довольно многочисленную группу. Для выражения наиболее общего понятия «птица» используются два слова – *avis* и *volucer*, причем первое слово обозначает птицу, близкую по поведению к человеку, тогда как второе слово обозначает птицу как обычное живое существо. Группа птичьих образов делится на три неравные части: птицы, которые встречаются только в положительных контекстах, – голубь, горлица и соловей; птицы, которые встречаются как в положительных, так и в отрицательных контекстах, – ворон, орел, ловчие птицы; птицы, которые встречаются только в отрицательных контекстах, – хищные птицы и коршун. Лебедь стоит особняком, обозначая грешную, но раскаявшуюся душу. Образ голубя наиболее частотен. Он обозначает духовную благодать, любовь, мир, кротость и является символом души. В паре с голубем появляется горлица, символизирующая целомудрие. Соловей всегда связан с весной, песней и Пасхой. Достаточно часто встречаем ворона, который может выступать как помощник святых и как воплощение демона. Орел может выступать как негативный персонаж, но и как символ Христа и св. Евангелиста Иоанна. Напротив, коршун всегда враждебен святым.

Ключевые слова: аллегория, средневековая латинская гимнография, птица, голубь, горлица, соловей, ворон, орел, коршун, лебедь

Для цитирования: Ненарокова М.Р. Символика птиц в средневековой латинской гимнографии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 1. С. 24–41. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-24-41

The Symbolism of Birds in Medieval Latin Hymnography

Maria R. Nenarokova

*A.M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia, maria.nenarokova@yandex.ru*

Abstract. The allegorical thinking of a medieval man allowed him to consider the whole world around him as certain message in the form of signs concealing invisible reality. Familiar objects, plants, living things served as signs, letters, and words. In Medieval Latin hymnography, allegorical images of birds form a rather large group. Two words are used to express the most general concept of “bird”. They are *avis* and *volucer*. The former denotes a bird that is close in behaviour to man, while the latter denotes a bird as a living creature. The category of bird images is divided into three unequal parts: there are birds that occur only in positive contexts, including pigeon, dove and nightingale; other birds are found in both positive and negative contexts, such as raven, eagle, hunting birds; birds of prey and hawks occur only in negative contexts. The swan stands apart from all other birds, symbolizing a sinful but repentant soul. The image of a pigeon is the most frequent. It denotes spiritual grace, love, peace, meekness and is also a symbol of the soul. A turtledove, symbolizing chastity, often appears together with a dove. Nightingales are always associated with spring, song and Easter. Quite often we encounter a raven who can act both as a helper to the saints and as the embodiment of a demon. An eagle can act as a negative character, but also as a symbol of Christ and of the Evangelist St John. On the contrary, the hawks are always hostile to saints.

Keywords: allegory, medieval latin hymnography, bird, dove, turtledove, nightingale, raven, eagle, hawk, swan

For citation: Nenarokova, M.R. (2021), “The Symbolism of Birds in Medieval Latin Hymnography”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 1, pp. 24–41, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-1-24-41

Окружающий мир для средневекового человека был многозначен. Все, что окружало его, воспринималось как видимые знаки, использовавшиеся «для прикровенного изображения некой идеи, например идеи богословской» [Ненарокова 2012, с. 296]. Соединение этих знаков в аллегории содержало в себе «тайны духовного понимания» (PL 1993–1995, vol. 75, col. 866A). По мысли средневековых богословов, «посредством известных нам вещей, из которых составляются аллегории, скрываются божественные суждения,

и когда мы опознаем внешние слова, достигаем внутреннего смысла» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A–473B), и человек, глядя вокруг себя, мог познавать волю Божию из окружающих его предметов, живых существ, растений, звезд. Так, согласно свт. Амвросию Медиоланскому, используя видимые образы, можно передавать представления о невидимом мире: «Многие творения видимы и невидимы: невидимые, как Начала, Силы, Престолы и Господства; видимые, как солнце, луна, звезды, человек, земля. Различны виды, и различна сущность творений. Следовательно, если ты хочешь выразить особенность какого-нибудь творения, ты назовешь его либо солнцем, либо луной, либо звездами; и так станет понятно, что, как ты думаешь, должно означать название» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 842C). Все, что перечисляет свт. Амвросий: и звезды, и светила, и земля, и сам человек являются «известными нам вещами» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A), поэтому мир для средневекового человека полон аллегорических посланий.

Дидактическая ценность аллегории раскрывается у св. Григория Великого: «аллегория для души, далеко отстоящей от Бога, представляет как бы некое орудие, чтобы посредством нее подняться к Богу. В то время как пускаются в ход загадки, когда она узнает в словах нечто свое, она в смысле слов понимает и то, что для нее не является своим, и чрез земные слова отделяется от земли. Ибо посредством того, от чего она не отвращается как от познанного, она понимает нечто непознанное» (PL 1993–1995, vol. 79, col. 473A).

Среди нескольких групп аллегорических образов, встречающихся в средневековой церковной поэзии, образы птиц весьма многочисленны. Мир птиц, представленный в средневековой латинской религиозной литературе, богат и разнообразен.

1. В гимнографических сочинениях встречаем чаще всего два слова, обозначающие птиц вообще, – *avis* «птица», но и «вещая птица», т. е. вестница невидимого мира, и *volucer* «птица, букв. летающая», производное от *volo* – «летать»; так называются все существа, имеющие крылья, включая и насекомых. Один раз встречаем *ales* – «крупная птица», когда речь идет о лебедь.

Говоря о птицах, мы связываем их с небом. Так, в IV воскресенье Рождественского поста в секвенции упоминались «обширные пространства воздуха, где туда-сюда бегают птицы, ветры и дожди» (АН 52, 1909, s. 9). Птицы здесь *aves*. В богословских же трактатах в таком контексте встречаем равно оба слова – *avis* и *volucer*: *in aere volucres* – «в небе птицы» (PL 1993–1995, vol. 6, col. 791B), *aves coeli* – «птицы небесные» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 224).

Изучение контекстов показывает, что в церковных песнопениях *volucer* встречаются тогда, когда речь идет о жизни птиц, какую им

диктует природа. Отличительной чертой птиц – *volucres* – оказывается пение: «Птиц приятное стройное пение [Господа] восхваляет в полях» (АН 50, 1907, s. 216); «По этой причине, различные птицы, / Создателя хвалами воспойте стройно с / «аллилуиа»» (АН 52, 1909, s. 61). Обязательно пение птиц на Пасху, когда все творение славит Воскресение Христово: «Ныне различные птицы смягчают воздух песнью, / передают высокие победы необычайными музыкальными инструментами» (АН 50, 1907, s. 230). Поэтому *volucres* служат примером и человеку, подают пример святым в молитве: св. Галл «по примеру певчей птицы / деяниями самого себя прежде укрепил, / чтобы то, что вложила энергия наставляющего, / жизнью доказать» (АН 50, 1907, s. 171). Птицы-*volucres* вместе со всем творением благословляют Бога: «И все птицы небесные, благословите Христа» (АН 43, 1903, s. 17). Птицы-*volucres* встречаются и в эпизодах из житий святых, но при этом они просто являются живыми существами, покрытыми перьями, в них нет ничего таинственного. Так, в гимне «О св. Власии» *volucres* выступают как все птичье общество в противовес зверям: «Ты часто приходящий туда друг зверей, устремляются к тебе равно и птицы, и твоего благословения испрашивают, славный Власий» (АН 23, 1896, s. 144).

Кроме того, что птицы поют и своим пением славят Бога и подают пример людям, они еще помогают людям тогда, когда человеческая помощь по каким-то причинам невозможна. Так, птицы приносят святым пищу. Чаще всего в таких контекстах находим упоминание ворона. Наиболее известен ворон св. пророка Илии, но и другим святым вороны помогали таким же образом: в гимне «О св. Эразме» упоминается «ворон, раскладывавший [перед святым еду]» (АН 4, 1888, s. 124). В гимне «О св. отшельнике Антонии», в нашей традиции известном как прп. Антоний Великий, так рассказывается о встрече Павла и Антония, двух великих отцов-пустынников: «Удивительное чудо и исцеление нетвердой веры: был ангельский хлеб [принесен] целым к трапезе, от которого столько лет подряд раньше ворон приносил половину» (АН 4, 1888, s. 87). Так же говорится и о св. Эгидии: «Ворон прокормил в пустыне раба Божия» (АН 50, 1907, s. 517). Интересно, что ворон может кормить святого не только хлебом. В случае св. отшельника Венерия это, на удивление, мясо: «Там, Искупитель всяческих, Посредством ворона, Твоего вестника, мясом тучных быков, Ты прокормил своего раба» (АН 43, 1903, s. 304).

Если святых мужского пола кормят вороны, то святым женского пола так же помогают голуби. Так, например, в «Житии св. Екатерины», составленном Иаковом Ворагинским, говорится, что «в течение двенадцати дней тиран, [заклучивший святуго в тем-

ницу], приказал не давать ей еды, Христос в те дни подкреплял ее небесной пищей, послав с неба белоснежного голубя» (Iasoro da Varazze 1998, p. 1209). Голубь, приносящий небесные яства святой, появляется во всех ее житиях, а также и в прославляющих ее песнопениях: «Тебя постоянно истощал [голод]. / И тебя голубка белая / Ободряла тем временем, / Когда приносила небесные яства» (АН 15, 1893, s. 217) («О св. Екатерине»), «Голубка, посланная с неба, / Яствами подкрепляет ее по воле Божией» (АН 16, 1894, s. 192) («О св. Екатерине»).

В тех же контекстах, где поведение птицы указывает на ее участие в духовных делах, обнаруживаем слово *avis*, видимо, свою роль играет второе значение слова – «вещая птица». Так, например, птицы, охраняющие тела святых, называются *aves*: «Птицы их тела охраняли славные» (АН 22, 1895, s. 104). Но и те птицы, которые враждебны святым и пытаются нападать на их останки, тоже называются *aves*: в гимне «О св. Винценте» ворон «стражу неся, находится на месте, где прочих птиц гонит прочь от его святого тела» (АН 43, 1903, s. 307). Если птица испытывает человеческие эмоции, она совершенно определенно является *avis*. В еще одном гимне о св. Винценте говорится, что «В скором времени в широкие поля / тело бросают / непогребенное, боятся собаки, / трепещут [от страха] птицы / ближе подойти» (АН 48, 1905, s. 77). И тем не менее душа оказывается похожа на *volucres*, возможно, потому, что она не птица, но крылата: в гимне «О св. Григории Великом» вспоминается и видение, в котором он увидел душу своей сестры Схоластики: «И после трех дней оставаясь на месте, блаженный / узрел, что душа этой же сестры / взлетела к высоким тайнам / с быстротой птицы» (АН 14, 1989, s. 64). В то же время у свт. Амвросия Медиоланского душа называется *ales interior* – «внутренняя птица» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 294A). А к человеку свт. Амвросий обращается: «Ты птица, о человек...» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 548B).

Далеко не все птицы, которые упоминаются в богословских сочинениях, переходят в поэзию, в частности в церковные песнопения. Те, что мы встречаем в церковных песнопениях, представляют собой довольно пеструю группу, которая делится на две части. В одну часть входят птицы, которые всегда появляются в положительных контекстах. Это голубь и соловей. К другой группе относятся птицы, встречающиеся как в положительных, так и в отрицательных контекстах. Их больше: это ворон, орел, *accipitres* – ловчие птицы. Хищные птицы – *vultures* – и *milvus* «коршун» встречаются в отрицательных контекстах. Особняком стоит лебедь. Этой птице посвящена одна секвенция, называемая *Cygnia* – «Лебединая» – и представляющая собой аллегорию, правда, сопровождающуюся ключами.

2. Одним из наиболее частотных и известных «птичьих» образов является образ голубя. В святоотеческих текстах голубь символизирует духовную благодать, любовь, простоту, прямодушие, мир, единение, кротость, душевную чистоту. Некоторые из этих значений прихожане, даже неграмотные, могли усвоить, слушая песнопения, входившие в состав службы: «Голубки невинности, / ...мира и согласия...»; «Голубки невинность / И взаимное согласие...» (АН 15, 1893, s. 102) («На Сретение»). Однажды встречаем значение «душевная чистота»: «Голубь вверх поднимается, / Голуби летят к небу, / Это проповедует жизнь святого, / Это проповедует его блаженный конец» (АН 22, 1895, s. 13) («О св. Агабии»). В богословской литературе голубь наиболее часто понимался как Дух Святой. В этом значении голубь упоминается в новозаветных отрывках, посвященных праздникам Господним – Богоявлению (Мф 3:16; Лк 3:22) и Сретению (Лк 2:22–24). Некоторые фрагменты песнопений, исполнявшихся на Богоявление, представляют собой близкий к тексту пересказ евангельских цитат, например: «В Иордан Христос входит, / Раб крестит Господина, / С неба голос слышится, / Голубь несет помазание» (АН 12, 1892, s. 35) («На Богоявление»).

Евангельская цитата «будьте... просты, как голуби» дала начало двум образам, связанным с этой птицей. У святых отцов Сам Христос называется Голубем: «Он есть Голубь, ибо своим святым предписал быть, как голуби, говоря: “...будьте... просты, как голуби”» (Мф 10:16). И христиане должны быть как голуби, иметь «голубиную душу»: «Когда мы поем Богу / голубиной душой, / Нам дается, без сомнения, / благодать Божия» (АН 15, 1893, s. 260).

Пресв. Богородица также выступает в латинской гимнографии как голубка, причем и в этом случае источником образа служит Песнь Песней. Так, цитата «сестра моя, возлюбленная моя, голубица моя, чистая моя!» (Песнь Песней 5:2) напоминает гимн, прославляющий Пресв. Деву: «Голубка, Невеста Прекрасная, / Мать, Сестра и Госпожа, / Совершенная, Христа носившая, / Источник Запечатанный в славе» (АН 2, 1888, s. 45) («Гимн о Препблж. Марии»). Таковы же святые девы и жены. Белый цвет символизирует невинность, чистоту души, кротость, поэтому в песнопениях, посвященных святым девам, подчеркивается белизна голубиноного оперения: «голубка молочно-белая» (АН 22, 1895, s. 65) («О перенесении мощей св. Бригитты»); «Это Люция светлая, / Прекраснее белой голубки» (АН 22, 1895, s. 166) («О св. Люции»); «голубки, молоком омытые» (АН 10, 1890, s. 324) («О св. Урсуле»). Человек может уподобиться голубю, только омывшись в купели крещения: «Как голубка, возрожденная / Сияющей купелью, благочестивым /

Делам она посвятила себя, / Подавляя змеинное жало» (АН 13, 1892, s. 159) («О св. Годаберте»).

В богословской литературе, в разных ее жанрах, голубка символизирует душу: «душа – единственная и совершенная голубка, которая безыскусна и духовна, и не мучима страстями плоти, в которой снаружи битвы, внутри страхи» (PL 1993–1995, vol. 14, col. 524В–524С). Когда умерла св. Евлалия, свидетели ее казни видели белую голубку, вылетевшую из ее уст: «Когда расторглись члены тела, / Из ее уст голубка / Вырвалась удивительным образом по воздуху, / И в полете весьма быстром / В Небесных жилищах / Объявила, что дева победила...» (АН 16, 1894, s. 117) («О св. Евлалии»).

3. И в богословских трактатах, и в гимнографических текстах в паре с голубкой часто выступает горлица. Их объединяет «плач вместо песни», поэтому они «в веке сем обозначают плач святых» (PL 1993–1995, vol. 95, col. 1203А), либо «слезы смиренных» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 342С). Обе птицы упоминаются в песнопениях, написанных для праздника Обрезания Господня, когда, согласно Евангелию от Луки, «родители принесли Младенца Иисуса, чтобы совершить над Ним законный обряд» (Лк 2:27). Обряд включал в себя жертвоприношение, причем бедняки могли принести в жертву «двух горлиц, или двух молодых голубей» (Числ 6:10). Жертвоприношение упоминается в гимнах, исполнявшихся во время праздника, например: «В храм Мать Отрока, / Радостная, ведет, Величайшего, / Представляет Богу Сына, / Самого Бога Славного, / Голубей и горлиц / Предлагает Богу как умиловительные [дары]» (АН 4, 1888, s. 54) или «Тогда благоговейные по закону / Предлагаются дары / Горлиц и голубей / Пары в жертву, / Которые на тела и души / Чистоту указывали» (АН 27, 1897, s. 117). Причину, по которой Пресв. Богородица и св. Иосиф принесли в храм птиц, объясняет Беда Досточтимый: «...Господь Христос Иисус, хотя Он был богат, сделавшись бедняком ради нас, пожелал, чтобы за Него была дана бедная жертва» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 342С).

Соединение в одном контексте голубей и горлиц требовало объяснений. Довольно часто утверждается, что «голубь означает простоту, горлица – целомудрие». Эти птицы по достоинству приносятся в храм, так как «простая и целомудренная жизнь святых являет приятнейшую жертву Всемогущему Богу» (PL 1993–1995, vol. 95, col. 1203А–1203В). С некоторыми изменениями эти идеи перешли и в гимнографию: «В голубке любовь / Взаимная навсегда, / В горлице целомудрие / И сходная святость, / Ибо Дева удостоилась того, / Птиц должна была принести [в жертву]» (АН 4, 1888, s. 54); «Голубок / Невинность / И горлиц / Непорочность /

Принесены / С Ним дары / Таинственные» (АН 7, 1889, s. 117). У Беды Досточтимого находим другое, не менее интересное, объяснение: по его мнению, голубка «означает усердие деятельной жизни»; тогда как горлица «являет вершины созерцательной жизни» (PL 1993–1995, vol. 92, col. 343B–343C).

Простота и целомудрие, символами которых становятся эти птицы, позволяют вводить их названия в гимны, посвященные святым девам. Так, о св. Урсуле и ее спутницах говорится: «Что касается вас, вы, о блаженная дружина, / ...Голубки, горлицы...» (АН 4, 1888, s. 248). Св. Бригитта сравнивается с целомудренной горлицей: «Кто эта вот, которая летала туда-сюда / Среди облачков небесных? / И, как горлица, вила гнездо / В покое Жениха?» (АН 22, 1895, s. 58).

Образ горлицы появляется в песнопениях на праздники Пресв. Богородицы. Так, мы слышим воркование горлицы в гимне «О встрече Марии и Елисаветы»: «Голос ясный приятный прозвучал, / Голос горлицы слышен, / Когда Дева Богородица / Приветствовала Елисавету» (АН 12, 1892, s. 58). Интересно, что в евангельских текстах, излагающих этот эпизод, горлица не упоминается. Призывание горлицы видим и в гимне на праздник Явления Пресв. Богородицы: «Да уйдут траурные одежды, / Плач, скорбь, вздохи, / Ушла ужасная зима, / Уже прозвучи, голос горлицы» (АН 16, 1894, s. 55). В гимне на праздник Рождества Пресв. Богородицы горлица появляется вместе с голубкой: «Ибо косматая / Зима уже прошла, / Сильный дождь, / Удаляясь, ушел, / Весна приятная / Земле явилась. / Появляются цветы, / И горлица запела: / Подруга, поднимись, поспеши, / Голубка прекрасная, прилетай» (АН 8, 1890, s. 46). Во всех трех случаях горлица воспринимается как весенняя птица, а ее песня становится символом наступления теплого времени года и возрождения природы.

4. Уже в античности самым главным признаком соловья была песня, его быстро стали изображать как весеннего певца. Представление о соловье как о весенней, сладко поющей птице, возникает у позднеантичных поэтов. Таким соловей и остается для всего Средневековья. Описание песни соловья встречается у Блаж. Августина: «соловей хорошо поет весной, ибо и богата ритмами и весьма приятна эта песня, и... подходит к времени года» (PL 1993–1995, vol. 32, col. 1086). У Венанция Фортуната (530/540–600/609) находим: «Здесь Филомела приспособливает песни для своей свирели / И воздух делается приятнее, когда отражает песню» (Libellus 1958, p. 287).

Не случайно в гимнографических текстах соловей появляется на Пасху: «Ныне летучий народ пчел, радуясь трудам, / из пур-

пурных цветов, жужжа, лапками мед собирает. / Ныне различные птицы услаждают воздух пением, / Умеряет и поющая всю ночь ныне Филомела песню»; «...сорадуются небо, волна, земля, славу Христу воспевают, ликуя, стремительные в полете ныне соловьи» (АН 50, 1907, s. 235, 236).

5. Как говорилось выше, лебедь появляется в гимнографических текстах один раз. В секвенции «Лебединая» описываются злоключения «птицы лебеда» (АН 7, 1889, s. 253) в бурном море и его спасение, причем безымянный гимнограф употребляет слово *ales* – «большая птица». Читатель или слушатель секвенции видит лебеда, который «перелетел водные просторы» и был застигнут бурей. И потому он горько плачет, ибо он «оставил цветоносную землю и устремился в глубокое море». Лебедь причитает вполне по-человечески: «Несчастливая я птичка! Увы мне! Что делать мне, жалкой?!» Положение лебеда действительно незавидно: перья намокли, волны сотрясают его, сидящего на воде. «Утесняюсь среди вершушек высоких волн, сетуя, теряю силы, видя смертоносные [волны], не поднимаясь в небо». Даже и прокормиться в бурю лебедь не может: видя множество рыб в морской глубине, он не может их поймать. Ему остается лишь взывать к небесам: «Восток, запад, стороны света, управьте ясными светилами, усмирите Орион, прогоняя тучи закатные», т. е. приближающие его к смерти, поскольку запад ассоциировался с гибелью. Пока лебедь молча оплакивал свою участь, «приходит золотая управительница заря», и птица лебедь, «подкрепленная вдохновением, начинает восстанавливать силы» (АН 7, 1889, s. 253). История лебеда заканчивается вполне благополучно: он собирается с силами и, ликуя, поднимается к звездам.

Секвенция эта представляет собой аллгорию, причем гимнограф по всему тексту рассыпает ключи – слова, которые должны вызвать у читателя или слушателя ассоциации, они помогут ему правильно понять полученную информацию. Первый ключ – то слово, которое гимнограф выбирает для обозначения лебеда – *ales*. Если вспомнить, что свт. Амвросий называл душу *ales interior* – «внутренняя птица» (PL 1993–1995, vol. 16, col. 294A), то становится ясно, что секвенция рассказывает вовсе не о лебеде. Другим ключом является выбор героя: в богословской традиции лебедь толкуется как «гордыня» (PL 1993–1995, vol. 111, col. 245C), например, у Храбана Мавра. Иными словами, «несчастной птичкой» (АН 7, 1889, s. 253) называет себя душа, пораженная грехом гордыни и осознавшая свой грех. Есть в секвенции и отсылка к евангельской притче о блудном сыне. Когда голодный лебедь сокрушается о том, что он не может добыть себе пищу, он говорит

буквально следующее: «Видя обильные стручки рыб, не могу в глубине пучин принять лучшее пропитание» (АН 7, 1889, s. 253). На первый взгляд *piscium legumina* – «стручки рыб» – могут показаться смелой, необычной метафорой. Действительно по форме небольшая рыбка напоминает продолговатый стручок. Однако существительное *legume* – «стручковое растение (преим. горох, бобы)» – имеет синоним, который должен был приходиться на мысль образованному средневековому человеку, чья жизнь была связана с чтением Свящ. Писания, – *siliqua* – «стручок» или бобовое растение «сладкие рожки». И вот этот синоним отсылает нас к Евангелию от Луки, к истории блудного сына, который по своей воле отправился на чужбину, как и лебедь, который покинул «цветоносную землю» ради морских глубин: «он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему» (Лк 15:16), так голодал и лебедь, который не мог поймать себе рыбок. Последним ключом к аллегории о лебеде–заблудшей душе становится существительное *afflumen* – «вдохновение». На заре, предвещающей появление солнца (Солнце правды – Христос), лебедь «подкреплен *afflamine*-вдохновением» (АН 7, 1889, s. 253). Существительное *afflumen* в аблативе встречается в одном тексте, хорошо известном в Средневековье всем образованным людям, поскольку этот текст входил в так называемый школьный канон, т. е. изучался в школе. Это стихотворная «Евангельская история» Ювенка. Эпизод, в котором встречается *afflumen*, посвящен встрече Пресв. Богородицы и Елизаветы. Младенец во чреве Елизаветы исповедал Гостью как Матерь Господа, и «...замолчала мать, потрясенная дрожью [от звука] Божественного гласа, исполненная Святого Вдохновения» (PL 1993–1995, vol. 19, col. 74A), т. е. Святого Духа. При том что в секвенции эпитет *sanctus* – «святой» опущен, в памяти слушателя или читателя, который знал текст Ювенка, он легко восстанавливался. Вот таким образом история птицы могла быть прочитана как история грешной души, осознавшей свои заблуждения и вернувшейся к первозданной чистоте.

6. Появление группы птиц, встречающихся и в положительных, и в отрицательных контекстах, можно объяснить цитатой из Тертуллиана: «Всякий дух есть птица. Таковы и ангелы, и демоны» (PL 1993–1995, vol. 1, col. 407A), потому и некоторые птицы примыкают то к ангелам, то к демонам.

Одной из таких птиц является ворон. Как говорилось выше, вороны в гимнографических сочинениях приносят пищу святым, охраняют их тела, как ворон св. Винченца, но встречаются и в негативном контексте. На связь с темными силами намекает окраска ворона: как пишет Евхерий Лионский, «ворон [символизирует]

черноту грехов или демонов» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749D) И вот в гимне «О св. Ромуальде» мы встречаем таких воронов: «Когда святой пребывал в келье, он видел, что, словно вороны и хищные птицы, перед ним часто появлялись нечистые духи» (АН 22, 1895, s. 239).

Этот контекст позволяет нам обратиться и к *vultures* – «хищным птицам», которые под таким обобщающим названием появляются в латинской гимнографии. Слыша это слово, средневековый человек сразу вспоминал определение «хищных птиц» – «птицы стремительные, прожорливые хищники, то есть птицы воздуха, которые суть всякие духовные непотребства» (PL 1993–1995, vol. 52, col. 476C). К этим птицам относятся, кроме безымянных «хищников... коршуны...орлы» (PL 1993–1995, vol. 52, col. 648A). Им обычно противопоставляются голуби, которых хищные птицы гонят и убивают.

7. Что касается *aquila* – «орла», он, как и ворон, может быть и положительным, и отрицательным персонажем. Объединяясь в одну группу с *vultures* – «хищниками», орел преследует голубку, а также склонен питаться падалью: «А хищные птицы, как и орлы, еще по ту сторону моря чувят трупы, ибо, высоко летая, многое, что скрывается мраком гор, с высоты они видят» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 460B–460C). Подобное толкование вполне возможно, ибо, как пишет Беда Досточтимый, «орел означает злого врага» (PL 1993–1995, vol. 91, col. 1025C), т. е. дьявола.

Тем не менее и в богословских сочинениях, и в гимнографических текстах орел чаще всего оказывается в весьма положительных контекстах. «Орел означает Христа» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749C), – пишет Евхерий Лионский. Это же повторяет и Беда Досточтимый: «Орел подлинно есть Христос» (PL 1993–1995, vol. 91, col. 316C). Следовательно, одно из Имен Божиих – «Орел, ибо после Воскресения Он возлетел к звездам» (PL 1993–1995, vol. 96, col. 975D). Восприятие Христа как Орла сохранилось и в песнопении «О Господе Христе», где перечисляются в противопоставлении друг другу все Имена Божии: «Агнец и Лев, Кроткий и Ужасный, Орел и Червь, Вознесенный и Смиренный, Спаситель мира, Христос, Сын Божий» (АН 19, 1895, s. 14). Самым распространенным контекстом, в котором упоминается орел, оказываются песнопения на праздник св. Евангелиста Иоанна Богослова. Орел был его символом, о чем средневековый христианин в разных вариациях слышал за богослужением, например: «Иоанн, великий орел, озирающий ось неба, написал, что Богочеловек был Словом до [земного] времени» (АН 4, 1888, s. 159), или «Святой Иоанн, орел небесный» (АН 52, 1909, s. 204), или «О удивительно летя-

щий орел» (АН 22, 1895, s. 140), или «орел престола» (АН 12, 1892, s. 198).

У Евхерия Лионского находим также утверждение: «Орлы суть святые» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 749C). Оно также отражено в гимнографии. Вот гимн «О св. Эгидии»: «Когда прошло два года, святой муж с Цезарием возрадовался желанному покою, оставаясь в уединении, получив крылья, подобные орлиным, улетев из бури мира сего» (АН 52, 1909, s. 330).

Поскольку мы помним, что крылаты и демоны, и ангелы, в одном из песнопений, посвященных св. Антонину, встречаем «двоих ангелов – обликом орлы» (АН 16, 1894, s. 79).

8. Однажды встречаем коршуна – *milvus*, который причисляется к «хищным птицам» (PL 1993–1995, vol. 64, col. 178C). Тем более велико чудо, которое описывается в секвенции «На обращение св. ап. Павла»: «Так голубь поражает коршуна» (АН 9, 1890, s. 236), где голубь символизирует Св. Духа, а коршун – бывшего жестокого гонителя христиан. В богословской литературе о коршуне никогда не говорится хорошо: он по природе жесток, «по природе своей всегда стремится подстергать птенцов» (PL 1993–1995, vol. 75, col. 1073B), а также коварен: «Этим вот образом и коршун, когда его отпугнут, не сможет схватить птенцов, называет себя голубем» (PL 1993–1995, vol. 43, col. 315–316).

9. От хищных птиц отличаются «ловчие птицы», и главное их отличие в том, что они покоряются «руке [человеческой]» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 459A–459B). Они по сути своей не отличаются от хищных птиц: «эта птица неутомима в поимке других птиц, потому и называется “ловец”, то есть “хищник”» (PL 1993–1995, vol. 82, col. 466C–467A). Однако подчинение человеку позволяет рассматривать «ловчих птиц» в положительном контексте: «Ловчая птица... святой, как думаю, восхищающий Царство Божие» (PL 1993–1995, vol. 50, col. 750B), пишет Евхерий Лионский. За этим значением стоит евангельская цитата: «Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его» (Мф. 11:12,13).

Это значение «ловчих птиц» отразилось и в гимнографии, например, «И стремительные ловчие птицы, и птицы певчие/щебечущие» (АН 48, 1905, s. 73), т. е. и те подвижники, которые подвигами завоевывают Царство Божие, и те, кто непрестанно молится.

10.1. В песнопениях, посвященных святым, чаще всего появляется голубь, причем часто понять, что имеется в виду, без знания самого жития довольно затруднительно. Таково, например, появление голубя в эпизоде пострижения св. Альдегунды. Ей пришлось преодолеть множество препятствий, прежде чем она оказалась в монастыре, и явление Св. Духа в виде голубя, которого увидели

все присутствующие на ее пострижении, убедило их в правильности решения девушки: «святым предстоятелям, поющим во время посвящения девы положенные гимны, явился Дух Святой в виде голубя и поддержал лапками и клювом освящаемый покров, который немного стал сползать. А чтобы не возникло какого-либо двусмысленного толкования такого чудесного явления, он на глазах у всех присутствующих в храме, подняв покров с земли, возложил его на главу блаженнейшей девы. Свершив это, голубь, посланный с неба, тотчас же исчез с глаз» (Хукбальд 2011, с. 115). Подобное событие не упоминается в житиях других святых, оно стало отличительным признаком образа св. Альдегунды, поэтому голубь, принеший покров, всегда упоминается в праздничных песнопениях в ее честь: «Радуйся, жизнь которой достойной объявляется чрез столько знамений, / Полученных свыше, / Тебе приносит голубка покрывало, / Знает земля, передает небо / В тебя дары Духа» (АН 15, 1893, s. 181) («О св. Альдегунде»). Интересно присутствие голубя в песнопениях, посвященных св. Маргарите. В ее кратком греческом житии, которое помещено в «Минологии Василия II», составленном в Византии в X в., рассказывается о том, как она была крещена. Св. Марина, или Маргарита, Антиохийская во время мучений «была брошена в озеро, и явившаяся голубка благословила воду и крестила деву» (PL 1993–1995, vol. 117, col. 547). Хотя в латинских житиях, начиная с «Мартирология» (PL 1993–1995, vol. 110, col. 1156B) Рабана Мавра, составленного в IX в., этот эпизод опущен, греческая агиографическая традиция была сохранена в латинских песнопениях. Если в одном из них голубка сообщает о духовной победе мученицы («Молится под мечом мученица благородная, / Лавр несет голубка...», – АН 4, 1888, s. 199, «О св. Маргарите»), то во втором песнопении излагается эпизод крещения, сохраненный в византийской агиографии: «Радуйся, дева, которую, спаси, / От вод уберег / Христос, Который тебя при посредстве голубки / Увещал к [мученическому] венцу» (АН 15, 1893, s. 221) («О св. Маргарите»).

Голубь участвует и в крещении короля Хлодвига, которое совершил св. Ремигий: «Он короля крестил, / с неба помазание / священное выпросил, / которое принесла голубка, / скажи, кто видел такое?»; «Когда в освященных водах король / Очищается от грехов, / Вот необыкновенное чудо: / Сосуд послан с неба / в виде дара от Святого Духа / Предстоятелю при посредстве голубки» (АН 10, 1890, s. 296–299) («О св. Ремигии»). Голубь часто оказывается вестником Божественной воли в ситуации, когда надо указать на достойного человека, который внешне не выделяется среди окружающих. Так, например, в «Истории франков»

Григория Турского появление голубя раскрывает всем духовные дарования св. Аредия, которые тот по своему смирению скрывает от монастырской братии. При королевском дворе юношу Аредия заметил епископ Ницетий, «муж необыкновенной святости», и взял с собой в монастырь, где тот принял постриг. Однажды, когда Аредий уже был монахом, «в то время как клирики пели в церкви псалмы, из-под свода спустился голубь и, полетав вокруг Аредия, сел ему на голову». По мнению автора «Истории франков», «сие означало... что он уже был исполнен благодати Духа Святого» (PL 1993–1995, vol. 71, col. 560B). Это событие отражено и в секвенции о св. Аредии: «Миролюбивый / Бог в образе голубя / Успокоил сердце короля, / Открыв, что Аредий избран свыше» (АН 7, 1889, s. 138) («О св. Аредии»). Еще более ярко подобная ситуация описана в «Книге об архиепископах Равенны» Агнелла Равеннского. Если св. Аредий, видимо, не отличался внешне от собратий-монахов, то св. Север, бедный ткач, неожиданно для всех избранный архиепископом Равенны, напротив, резко выделялся из толпы «по причине безобразия одеяний, ибо он был одет в грязное платье». Придя в городской собор посмотреть на выборы нового архиепископа, он постеснялся своей бедной, ненарядной одежды и спрятался за входной дверью. После того как была окончена общая молитва, «сию же минуту с неба спустился голубь белее снега и остановился над головой блаженного исповедника Христова Севера, прятавшегося за дверями. Когда же он отогнал от себя голубя, он, пролетев по воздуху, снова замер над святым мужем и во второй, и в третий раз» (PL 1993–1995, vol. 106, col. 494C–494D). Это событие, по свидетельству Агнелла, настолько потрясло Равенну, что память о нем осталась и в пословице («Блаженна та земля, где во время избрания понтифика сходит Дух Святой, подобный голубю, и рукополагается тот, над чьею головой Он останавливается») (PL 1993–1995, vol. 106, col. 491D), и в гимнах, исполнявшихся за службой святому, например: «О удивительная благодать Божия, / Когда стоит в церкви / Муж-мирянин, чтобы помолиться, / Голубку видят трижды, / Бедняка в дверях / Избирает клир, чтобы почтить его. / Как Иосиф, он изменяется / И украшается кольцом / Предстоятельской славы. / Север, стоящий в дверях, / Сделался по свидетельству голубки / Из бедняка прелатом» (АН 5, 1889, s. 217) («О св. Севере»).

10.2. Довольно часто нужно обращаться к житиям, чтобы узнать, какую роль играл ворон (или вороны) в том или ином эпизоде жизни. О воронах-кормильцах и воронах-стражах говорилось выше. Однако есть ситуации, не ставшие топосами, характерные для жизни одного святого. Так, в «Житии св. Колумбана» рассказывается,

что однажды святой муж пришел в монастырь Луксовию (Люксёй), чтобы разделить трапезу с братией. Перед тем как войти в трапезную, он положил на камень у входа свои рабочие рукавицы. К камню подлетел ворон и украл одну из рукавиц. После трапезы братия в недоумении стали искать рукавицу, но святой сказал им, что «ее унесла та птица, которая была послана Ноем [на поиски земли] и не вернулась назад». К сказанному святой прибавил, что ворон не сможет кормить своих птенцов, если не вернет украденное. Тут же появился ворон «и принес назад в клюве то, что он так бесчестно украл» (Jonas 1895, p. 15). Получив назад рукавицу, святой простил ворона и приказал ему улететь. Не зная этого эпизода, сложно понять следующую строфу из гимна «О святом Колумбане»: «Ворон, презирающий Ноя, / Хотя Илии служащий, / Рукавицы, которые унес / Тайком, вернул открыто» (АН 19, 1895, s. 115).

Эпизод с участием воронов включен в «Житие св. Альдегунды, девы», составленное Хукбальдом Сент-Амандским. Согласно житию, некий рыбак пожертвовал св. Альдегунде только что пойманную рыбу, и та, желая оставить ее для трапезы монастырских трудников, «приказала бросить в ближайший источник». Рыба, плавая у берега, «сделала прыжок в воздухе» и оказалась на суше, и «С карканьем черные тут отовсюду вороны слетались, / Бедную рыбу терзать и когтями, и клювом пытались». У воронов рыбу отбил маленький ягненок, пасшийся поблизости, «он быстро подбежал, выхватил рыбу у пожирающих ее, и сражаясь против ворон рожками и ножками, напрягши все тельце свое, отогнал их» (Хукбальд 2011, с. 115, 118). К удивлению прибежавших монахинь, рыба осталась невредимой. Этот эпизод отразился в следующих строфах гимнов, посвященных св. Альдегунде: «Агнец рыбу старается / у воронов отнять, / и ей не позволено получить повреждения / Даром Альдегунды» (АН 10, 1890, s. 125).

Не все вороны в житиях оказываются отрицательными героями. Слушая вразумляющего их святого, они способны меняться. Согласно житию, св. Катберт, живя отшельником на острове Фарн, посеял хлеб, а птицы, в том числе и вороны, повадились выклевывать семена. Святой обратился к ним с обличительной речью, и птицы раскаялись (PL 1993–1995, vol. 94, col. 759D–760B). Как говорится в песнопении, посвященном св. отшельнику, «Птицы повинуются святому, / Вороны, исправившись, возвращаются» (АН 13, 1892, s. 103).

Житие св. Бенедикта Нурсийского служит подтверждением тому, что ворон может помочь святому избавиться от смертельной опасности. Как рассказывает свт. Григорий Двоеслов, к святому мужу каждый день на обед прилетал ворон из соседнего леса и полу-

чал от него хлеб. Пресвитер соседней церкви по имени Флоренций, «ослепленный тьмою своей ненависти... дошел до того, что послал рабу всемогущего Бога, как бы для благословения, хлеб, испеченный с ядом». По приказанию св. Бенедикта ворон «схватил хлеб, поднял, улетел и бросил... спустя три часа возвратился и получил обычную часть хлеба из рук человека Божия» (Свт. Григорий 1999, с. 502, 503). Это чудо отражено в песнопениях, прославлявших святого: «Так как [пресвитер] завидовал отцу, увидел, / Что может убить / Святого отца, он принес хлеб / мужу, который отравил, / Святому предписал, чтобы тот его съел, / И правило жизни / Ныне, как ворон унес»; «Яд ворон отбросил» (АН 4, 1888, s. 106, 109).

10.3. Горлица появляется в гимне, излагающем житие и чудеса малоизвестной франкской святой, почитаемой в французском городе Труа, исторической столице Шампани. О св. Елене Труаской, покровительнице города, ничего не известно, кроме того, что ее мощи были перенесены в Труа в 1209 г. Гимн в ее честь упоминает чудо, совершившееся ради нее: «Когда под сосной она заснула / В полдень мгновенно, / Горлица, приведенная в движение, служила / В чрезвычайность зноя / И мух отгоняла / От лица Елены» (АН 19, 1895, s. 152).

Как видим, птицы, которых средневековый человек мог видеть каждый день, оказываются не только существами, почти не заметными в повседневной жизни, звуковым фоном, привычными элементами окружающего пейзажа, но и символами, подобными многозначным словам. Значения этих «слов» развивались и освящались текстами Свящ. Писания, житийной литературой, проповедями, церковной поэзией, позволяя читать земной мир как Небесную Книгу.

Источники

- Свт. Григорий 1999 – Свт. Григорий Двоеслов. Творения. М.: Паломник, 1999. Т. 7. 735 с.
- Хукбальд 2011 – Хукбальд Сент-Амандский. Житие св. Альдегунды. Девы / Пер. М.Р. Ненароковой // Антология «Памятники средневековой латинской литературы. X–XI века» / Отв. ред. М.С. Касьян. М.: Наука, 2011. С. 115.
- АН 2, 1888 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 2. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1888. 174 p.
- АН 4, 1888 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 4. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1888. 270 p.
- АН 5, 1889 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 5. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1889. 278 p.

- AH 7, 1889 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 7. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1889. 282 p.
- AH 8, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 8. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland), 1890. 231 p.
- AH 9, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 9. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1890. 296 p.
- AH 10, 1890 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 10. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1890. 336 p.
- AH 12, 1892 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 12. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1892. 272 p.
- AH 13, 1892 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 13. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1892. 266 p.
- AH 14, 1899 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 14. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1898. 262 p.
- AH 15, 1893 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 15. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1893. 273 p.
- AH 16, 1894 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 16. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1894. 290 p.
- AH 19, 1895 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 19. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1895. 280 p.
- AH 22, 1895 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 22. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1895. 300 p.
- AH 23, 1896 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 23. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1896. 306 p.
- AH 27, 1897 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 27. ed. Clemens Blume. Leipzig: O.R. Reisland, 1897. 296 p.
- AH 43, 1903 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 43. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1903. 324 p.
- AH 48, 1905 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 48. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1905. 543 p.
- AH 50, 1907 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 50. ed. Guido Maria Dreves. Leipzig: O.R. Reisland, 1907. 664 p.
- AH 52, 1909 – *Analecta Hymnica Medii Aevi*. v. 52. ed. Clemens Blume. Leipzig: O.R. Reisland, 1909. 358 p.
- Iacopo da Varazze 1998 – *Iacopo da Varazze*. *Legenda Aurea*. Edizione critica a cura di Giovanni Paolo Maggioni. 2 ed. Firenze, SISMEL – Edizioni del Galluzzo, 1998. T. 2. P. 1209.
- Jonas 1895 – *Translations and Reprints from The Original Sources of European History*. Jonas / Ed. by Dana Carleton Munro. Life of St. Columban. Philadelphia, Pa., 1895. 262 p.
- PL 1993–1995 – *Migne J.-P. Patrologiae Latinae Cursus Completus (PL)*. – On CD-Rom. – Chadwick-Healy, 1993–1995.

Литература

Ненарокова 2012 – *Ненарокова М.Р.* Каролингская эклога: теория и история жанра. М.: ИМЛИ РАН, 2012. 416 с.

References

Nenarokova, M.R. (2012), *Karolingskaya ekloga: teoriya i istoriya zhanra* [The Carolingian Eclogue: the theory and history of the genre], IMLI RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Мария Р. Ненарокова, доктор филологических наук, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, Поварская, д. 25а; maria.nenarokova@yandex.ru

Information about the author

Maria R. Nenarokova, Dr. of Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature (IWL RAS), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya Street, Moscow, Russia, 121069; maria.nenarokova@yandex.ru